

Kuhn, Michael, (2016) How the Social Sciences Think about the World's Social – Outline of a Critique, Stuttgart ibidem

Отвечая на вопрос, почему 200-летнее мышление в области общественных наук, особенно критическое общественное мышление, не сделало мир лучше, в этой книге излагается теория о общественных науках. В 5 главах утверждается, что общественные науки - это особая форма мышления, которая не только возникает вместе с появлением социального государства нации, но и представляет собой форму мышления, которая думает о социальном через призму национального государства так же как и его социальная конструкция влияет на социальное. Это форма мышления, которая отражает социальное через систему категорий, которые когнитивно воспроизводят практические проблемы, вызванные национальным государством которые национальное государство делает социальными, как конкретные научные знания о себе.

В главе А представлены примеры современных ведущих теорий общественных наук, примеры того, как общественные науки строят свою мысль не только путем ограничения мысли отдельными национальными обществами, предполагая, что национально ограниченная социальная система позволяет понимать социальные явления, но и выдвигая теории с точки зрения государственных конструктов, которые, как только они выходят за пределы национальных социальных биотопов, неизбежно разворачивают общественное научное мышление в сторону подлинно имперского мышления об общественном устройстве мира, споря о том, чьи национальные знания управляют мышлением.

Далее в главе говорится о том, что оппозиция против такого имперского мышления не только не критикует конкретный путь нации предвзятым способом теоретизирования, но и не создает ведущие теории общественных наук.

Наоборот, она выступает против монополии на теоретизирование в имперском мире по национально предвзятому принципу с альтернативой национально искаженной мысли и следовательно, представляя эту оппозицию, как борьбу между национальными научными объектами, такими как Южные против «Западных» теорий. Эта борьба, в которой теории являются глобальными мета-теориями и, которые управляют теоретизированием, является таким образом альтернативным способом имперского мышления.

Совершая это, как далее утверждается в книге, эта оппозиция созданных с того времени пространственно штампованных теорий является оппозицией против «Западных» теорий, которые в конце концов универсализируют мышление социальных наук о мировом социальном и поэтому универсализируют способ мышления, который критически предостерегает мировые национальные

государства следовать идеалу социальных наук, идеалу национального государства с конечно миссией служения мировому человечеству.

Далее в главе говорится о том, что именно эта оппозиция, которая не только подражает самому мышлению через национальные взгляды государства на социальное, но и явно защищает национализированное мышление, которое в этой книге будет называться «патриотическим мышлением», более новый тип социального мышления, которое противоречит остальным элементам объективности в понятии относительного объективного знания, выдает себя за «универсальное» знание и выступает за замену множественности относительных знаний в мире общественных наук, состоящих из многих «провинциальных» знаний.

В этой главе обсуждаются последние дебаты по общественным наукам, которые критикуют и опускают научные основы общественной науки, возвращаясь тем самым к всевозможным мистицизмам, которые когда-то общественные науки преодолели на пути их разделения от религиозного мышления. Таким образом общественные науки прокладывают путь к возрождению религиозного мышления как последней обновленной вариации мышления в области общественных наук.

Таким образом, глава подытоживает, что дискуссия о глобализации общественных наук - это типичная попытка в области общественных наук облагородить политическую миссию превращения науки в национальный ресурс для глобального рынка знаний, а также это битва, в которой знание управляет мышлением для достижения таких благородных идей, как «космополитизм».

В первой части главы Б обсуждается дисциплинарная архитектура мышления в области общественных наук, а во второй части - основные категории, основанные на том, как дисциплины строят свой конкретный дисциплинарный взгляд на общественное.

В первой части главы излагается, что это уже архитектура социальной мысли, построенная как множественность дисциплинарного мышления, которая отнюдь не отражает различные аспекты человеческой природы, но только разделение основанного на национальном понятии человека, гражданина, на несколько уровней существования, как если бы этот гражданин действительно состоял бы из отдельных индивидуальных, политических и экономических проектов жизни. Основанный на национальном понятии человек разделен на политически свободного и равного человека, имеющего свободу преследовать свои жизненные цели как равного гражданина, наделенного равноправием, политически созданной абстракцией от экономических средств, которыми обладают эти люди, чтобы преследовать свои жизненные цели.

Это национальное государство разделило гражданина на свободную и равную личность, политическое и экономическое существо. И его разделенные интересы, порожденные многоуровневым существованием, представляют собой разделение социальной мысли на дисциплинарное мышление, множество различных точек зрения, через которые он интерпретирует общественное.

Вторая часть, прослеживающая категорические основы дисциплин, построенные на особом взгляде на общественное, показывает, что антропология / культурные теории, экономика, социология, политическая теория и психология - все эти дисциплины в основном имеют один и тот же метафизический образ людей, как угрозу анархического, неодомащенного, неуправляемого человека, угрозу, которую дисциплинарное мышление находит в человеческой природе чтобы основывать свой конкретный дисциплинарный взгляд на общественное как контроль над этой человеческой природой, которая слишком явно является природой естественного гражданина.

Обсуждение категорических основ показывает что то, что дисциплинарное мышление находит в человеке, - это только природа национальных государственных существ, чтобы обнаружить национальное государство как ответ на эту человеческую природу.

Они навязывают этот метафизический образ людей природе человека, воображая граждан, самих существ национальных государственных обществ, создаваемых только этой системой общества, конкурирующих рядовых как угрозу, если они не контролируются «механизмами упорядочения» антропологии, дисциплинированными в их «Безграничность», уважая «скудность» в экономическом мышлении, «структурированную» обществом в социологическом мышлении, «одомащенную» политической властью в политической науке и самоконтролируемую через одомашнивание их внутренних моральных боев в психологическом мышлении.

Именно эти незначительные различия в том, как одомашнить множество угроз свободной воли, которые нашли конкретный способ теоретизировать отдельные дисциплины о социальном. В общественных науках теоретизирующее мышление все еще стоит с ног на голову.

В отличие от классической философии реальный мир - это не овеществление идеи в общественных науках, размышление о «реальных фактах», мышление доказывающее правду о идеалах, которые мыслители создают о мире.

Общественные науки думают не столько о социальном мире, сколько о том, насколько мир соответствует воображаемым миссиям, навязанным миру социальными науками в качестве целей, миссий, построенных из их дисциплинарных образов людей; и, точно так же, как и религиозное мышление, общественное научное мышление вытекает из его дисциплинарных образов о мире, практикующих теоретизацию мира как размышление о том, является ли мир таким, каким он должен быть.

Именно из-за этого идеализма дисциплинарное мышление состоит из как критически утвердительного, так и идеалистически одомашнивающего знания, ставя под сомнение, является ли средства одомашнивания системы общества помощью людям справиться с их природой, критически наблюдая, обеспечивают ли эти средства общества эту услугу своим гражданам.

В первой части главы С обсуждается особая технология создания знаний в области познания в общественных науках, а во второй части - развитие телеологического мышления.

Часть первая отражает то, как общественные познавательные науки, измеряющие мир как отклоняющийся или совпадающий с их идеалами, практикуют определенный когнитивный способ создания социальной мысли, технику познания, в которой мир конфигурирует как свидетельствующий об идеалах посредством реальности, реальности, в которую общественные науки вставляют свои идеалы «эмпирической реальности», которую создают науки для этой когнитивной операции, придуманной реальности, в которой они «находят» свою мысль в «реальных фактах».

В этой части анализируется несколько примеров того, как мышление в области общественных наук использует этот круговой путь телеологического мышления, в котором оно не анализирует, почему все так, как есть, но практикует это показное сравнение реальности с идеалами, выполняемое как размышление о предпосылках теории, с помощью которых мышление общественной науки приближается к объектам мышления.

Именно этот способ телеологического мышления посредством предполагаемых теорий приводит к относительно объективному знанию относительно его предпосылок, знания, которые эпистемологические отделы общественной науки считают естественным обязательством мышления.

Затем во второй части показано, как более поздние социологические дебаты по естественным наукам, направленные на опровержение объективности знания естественных наук, как ни парадоксально, доказывают мистифицированное развитие знания от ложного к правильному знанию в сторону «сдвига парадигмы». Также во второй части показано, как эти общественно-научные дебаты о предполагаемом относительно естественно-

научном знании прокладывают путь научных социальных знаний в сторону парадокса общественно-научного субъективного знания.

Именно эта мистификация прогресса знаний в естественных науках от ложного к истинному знанию, ложно основанная на распознавании истинного знания с общими знаниями, доказывающее, что социальная эпистемология социальных наук является относительным естественным научным знанием и тем самым обеспечивает эпистемологическое обоснование для глобализованных общественно-научных теорий как совокупности многих национально-предвзятых теорий.

В первой части главы D обсуждается дискурсивное создание истинного относительного объективного знания, а во второй части - развитие этого знания.

В главе утверждается, что общественные науки решают проблему противоречия относительного объективного знания путем его преобразования в противоречие истинного знания как общего знания, и обсуждают парадоксы о том, как создать общее знание среди многих относительных истинных знаний.

В главе показано, как эпистемология общественной науки трансформирует этот парадокс признанного знания в парадокс иерархии знаний, различая теории общественных наук и метатеории, направляя создание теорий, - таким образом, превращая парадокс признанных знаний в парадоксальный характер дискурсов среди признанных знаний.

Во второй части этой главы обсуждаются два вопроса, поднятые этим парадоксом признанных знаний: как стать признанным знанием или метатеорией, если оно не может быть признанным правильным знанием, а также как развиваются осознанные знания, если они не могут перейти от ложного к правильному знанию? Ответ таков: чтобы стать метатеорией, теория должна переосмыслить любой существенный прогресс в повестках дня *имперской политики* как важнейшую возможность приблизиться к идеалам общественных наук национального государства, служащего своим гражданам, а легенда только социальных наук может развеять мечты, которым мир в действительности следует.

Этот ответ о том, как продвигается знание общественных наук, и не в последнюю очередь также отвечает на вопрос, почему критическое мышление в общественных науках и мир нищеты и войны сосуществуют в течение 200 лет совместной истории.

В главе E представлено несколько соображений о том, как преодолеть и выйти за рамки мышления в области общественных наук.